

14. State Statistical Office of the Republic of Macedonia, Census of Population, Households and Dwelling in the Republic of Macedonia, 2002, Skopje, State Statistical Office, May, 2005.
15. Taylor, Charles, (2007) *A Secular Age*, Cambridge, MA: Belknap Press, "The U.S. Religious Landscape Survey: Summary of Key Findings," The New Forum on Religion & Public Life, 2008, available at <http://religions.pewforum.org/reports/summaryofkeyfindings>.
16. World Religions in the Context of the Contemporary Culture: New Perspectives of Dialogue and Mutual Understanding, Christianity and Islam in the Context of Contemporary Culture: New Prospects of Dialogue and Mutual Understanding in the Russian Federation and Eastern Europe, in Central Asia and the Caucasus, United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization, Published in cooperation with the UNESCO Office in Moscow, Armenia, Azerbaijan, Republic of Moldova, and Russian Federation, and with UNESCO Office in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan, St. Petersburg Branch of the Russian Institute for Cultural Research, St. Petersburg, 2011.

Алексей Ливеровский

Научный руководитель юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета (СПбГЭУ),
заведующий кафедрой конституционного права,
профессор

Правовая реализация этнорелигиозных ценностей в конституционном развитии государств

1. Политические события, изменившие основы государственного устройства в странах Центральной и Восточной Европы во второй половине XX века, заставили переосмыслить традиционные представления о конституционном праве. В так называемых странах новой демократии принимались новые конституции, составленные по известным демократическим образцам, или существенно изменялись действующие основные законы государства. Конституционное реформирование сопровождалось весьма бурными политическими процессами. Особенно это характерно для стран бывшего «социалистического лагеря», которые вышли из авторитарных политических режимов и господствующего приоритета государственной собственности. «Родовым свойством» данных режимов при формальном провозглашении демократии, как основы государственного устройства, являлся отрыв корпорации государственной власти от населения. Вместо установленного конституциями народовластия, хотя и в классовой парадигме, власть осуществлялась органами государственного управления, образуемыми авторитарную схему власти с единоличным правителем наверху¹. Этому способствовало

¹ *Авакьян С.А.* Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией. /Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография/ - М.: Юстицинформ, 2016. - С. 23.

отрицание как в конституционно-правовом, так и в научном планах принципа разделения государственной власти². Положения конституций формально демократического содержания не соответствовали правовым условиям, создаваемым властью. В теоретическом плане декларировался позитивизм – отождествление права и закона: «Право – это система общеобязательных, формально-определенных норм»³. Г.Г. Арутюнян, отмечая прогрессивную роль позитивизма⁴ в развитии государственности, делает существенную оговорку на то, что «позитивистское правомышление опирается не на сущность объективности права, а на его дискреционное восприятие и субъективное волеизъявление власти». Субъективность властных решений легко объясняется собственными интересами власти, отличными от «общеполезных». Удачно отмечал ещё Г.Н. Шершеневич, что «государственная власть не всегда руководствуется общеполезностью», но «вынуждена всегда ею прикрываться»⁵. В качестве права, традиционно отождествляемого со справедливостью, в советские годы признавалась получившая форму закона воля власти, которая на самом деле имела характер государственного принуждения. Напомним известное еще из средневековья обобщение: если законы человеческой жизни не следуют из *естественного права*⁶, из законов природы, то это не законы, а извращение права⁷.

2 Следует вспомнить положение статьи 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 года: «Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции». (Декларация прав человека и гражданина // Документы истории Великой французской революции - М., 1990. Т. 1.)

3 *Алексеев С.С.* Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ТК Велби, Изд-во: "Простекст", 2008. - С. 81.

4 Позитивное право – продукт государственно-властной воли, выраженный в законах и иных нормативных актах.

5 *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве: Лекции. Изд. 2-е. - М.: ЛЕНАНД, 2015. - С. 70.

6 «Естественное право в той или иной форме есть нечто объективное, не зависящее от воли, усмотрения или произвола законоустанавливающей (государственной) власти, то есть определенное, отличное от других социальное звено (социальный регулятор) со своей объективной природой, своей сущностью и отличительными особенностями» // Новая философская энциклопедия. Т. 3. - Москва, 2010. - С. 306.

7 *Арутюнян Г.Г.* Конституционный мониторинг. – Ереван: NJHAR, 2016. - С. 234, 264.

Конституционное (оно и именовалось ранее государственным) право воспринималось, как одна из отраслей *политического права* – системы государственно-правовых норм, регулирующих, в основном, формирование органов государственной власти и их полномочий, что сводило понимание конституционного строя к государственному строю. Отметим также, что в результате воздействия весьма эффективной коммунистической идеологии *правосознание* граждан было сформировано в жестких рамках государственно-центричного представления о социальных ценностях.

Народы стран новой демократии одобрили переход к человеку центричным социальным ценностям новых конституций, но их принятие на основе общего согласия, революционное изменение базовых конституционных принципов, прежде всего резкий для социалистического правосознания переход к новой концепции собственности и государства не решились в одночасье проблемы реальной правовой жизни людей. Переходным процессам стали свойственны имитационные проявления в реализации демократических институтов, конституционные деформации, одной из причин которых является возвращение к отторжению властной корпорации и «причастных к власти»⁸ от остального населения страны. Все это неизбежно приводит к социальному напряжению в обществе, отходу от общего согласия, обозначенному принятием новых конституций. Появившиеся проблемы вызвали определенную растерянность в рядах правоведов⁹ – установившиеся представления конституционализма не позволяли эффективно отразить правовую реальность переходных процессов.

В начале XXI века появились исследования, в которых не только в постановочном плане ставился вопрос о необходи-

8 Современные реалии осуществления власти можно снова характеризовать не как провозглашаемую ранее власть рабочих и крестьян, власть трудящихся, власть народа, а как власть государственных органов и причастных к ним. (Авакьян С.А. Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией. /Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография/ – М.: Юстициформ. 2016. С. 19.)

9 «Имеет место своего рода растерянность (ученых), связанная с «крушением» марксистско-ленинской методологии». *Лазарев В.В.* История и методология юридической науки. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. - С. 169.

мости пересмотра парадигмы конституционного права, унаследованной от предыдущей эпохи, но и предлагались новые подходы к пониманию конституционного развития государств как в теоретическом плане, так и в практике правоприменения¹⁰.

Для современных правоведов становится все более привлекательным юридическое (естественно-правовое) понимание, характеризующее разграничение права и закона и представляющее право как нечто объективно существующее, не зависящее от субъективного волеизъявления законодателя и, что еще более важно, от произвола государственной власти.

При вынужденной компромиссности (конституции принимались в сложный политический момент) положений новых конституций эти правовые акты, благодаря деятельности органов конституционного нормоконтроля, стали реально действующими институтами, корректирующими конституционное развитие государств¹¹. Поэтому весомый вклад в разработку новых представлений о конституционном праве осуществили судьи органов конституционной юстиции стран Восточной и Центральной Европы, в том числе России, чья деятельность определяется правовыми реалиями общественной жизни. Соответствие правового развития государства, принятого в плане конституционного развития государства, принятого в соответствии с общим согласием народа.

2. В формальном плане основным полномочием органов конституционной юстиции является осуществление конституционного нормоконтроля, то есть проверка конституционности нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти.

В доктринальных исследованиях традиционно используются «гуманитарные» представления о конституционных категориях, связанных с конституционным судопроизводством. Лех Гарлицкий справедливо указывает на неформализованную «размытость» основных понятий теории конститу-

¹⁰ New Millennium Constitutionalism: paradigms of reality and challenge. Yerevan, NHAR. 2013. P. 526.

¹¹ Советские конституции при всей их формальной демократичности были «парадичными», рекламными документами, не отражающими подлинный правовой режим государства.

ций: «Поскольку четких границ между «ценностями», «принципами» и «нормами» не существует, все конституции содержат те или иные весьма общие понятия, которые служат основой толкования конституции и ее положений»¹². Законное недоумение вызывает часто используемая в научных публикациях категория «основы» применительно к положениям Конституции, вне установленного ее контента. Известный теоретик конституционного права В.В. Невинский предлагает раскрывать понятие «основы конституционного строя» через категорию «конституционные принципы», представляя их как исходные положения конституции, определяющие содержание нормативно-правового регулирования общественных отношений. В этом случае конституционный строй понимается как урегулированный конституционными принципами и нормами порядок экономической, социальной, духовной и политической жизни общества, организации государства, основанный на признании необходимости баланса интересов личности, общества и государства. Тогда *предопределенная объективную парадигму, то есть* позволит выйти на человекоцентристскую парадигму, то есть связать регулирование конституционными принципами общества и гражданина государства¹³.

Соглашаясь с выводами В.В. Невинского, распространим их в рамках рациональной методологии¹⁴ на анализ содержания судебной деятельности органов конституционного нормоконтроля.

¹² Гарлицкий Л. Конституционные ценности и Страсбургский суд. Конституционные ценности в теории и судебной практике. - М.: 2009. - С. 221.

¹³ Восприятие «основ конституционного строя» как системы конституционных принципов, по мнению В.В. Невинского, способствует стройности конституционно-правовой теории, большей определенности в понимании этих категорий в их тесной взаимосвязи (Невинский В.В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский Юридический Журнал. 2004. № 1. - С. 10, 11, 13.)

¹⁴ Методология науки – это не только совокупность принципов, приемов и способов научной деятельности, но и ее структура, логическая организация, а также рациональные закономерности познания, отнесенные к ее предмету. Предмет юриспруденции – право. (Гаджиев Г.А., Ливеровский А.А. Юриспруденция и методика (общность познавательных структур) // Махачкала: Изд. ДГУ, 2016. - С. 5).

Разрешение дел по конституционному нормоконтролю сводится к анализу Судом¹⁵ регулирующего воздействия на общественные отношения конституционных принципов, представленных её текстом. Приведем ставшее хрестоматийным представление Г.А. Гаджиева о конституционных принципах: «Конституционные принципы, являясь, естественно, разновидностью правовых принципов, представляют собой базовые мировоззренческие юридические предписания, прибывающие в «свернутом виде». Они характеризуются наивысшей степенью нормативной обобщенности, неконкретным юридическим содержанием и в силу этого – высоким потенциалом разностороннего развития, посредством формирования развивающихся представлений о них. Не будучи до конца распознанными, они реальны, но вместе с тем представляют собой некое таинство и потому, подобно притчам в священных текстах, обладают мистическим содержанием»¹⁶. Исходя из рационального осмысления данного определения, признавая, что конституционные принципы, так же как и нормы позитивного права, являются регуляторами общественных отношений, покажем, исходя из анализа содержания решений органа конституционного нормоконтроля, что механизм регулирования общественных отношений конституционными принципами отличается от нормативного регулирования.

Для разрешения вопроса о конституционности нормы закона орган конституционного нормоконтроля выявляет возможное воздействие конституционных принципов на общественные отношения, притом в их системной взаимосвязи, поскольку правоотношения, сложившиеся на основе рассматриваемой нормы позитивного права, могут лежать в сфере действия сразу нескольких конституционных принципов. Обычно выделяются «парные» конституционные принципы, которые определяют коллизийное (конкурирующее) воздействие на рассматриваемые общественные отношения. Системное воздействие конституционных принципов предполагает определение *меры* действия каждого из отно-

сящихся к правовой ситуации конституционных принципов. В отношении применения (и действия) конституционных принципов речь должна идти о правиле *наиболее возможной полноты*. Реализацию этого правила можно представить как возможность разрешить дело таким образом, чтобы содержание каждого из применяемых принципов было реализовано *в той или иной установленной мере*, то есть настолько полно, насколько это возможно, исходя из условий конкретной правовой ситуации. Легализуют установленный баланс¹⁷ системного воздействия конституционных принципов на общественные отношения, связанные с рассматриваемым юридическим казусом, правовые позиции Суда, являющиеся содержательной основой мотивировочной части соответствующего решения. Правовые позиции Суда являются «гибкими доктринами»¹⁸, то есть могут изменяться при рассмотрении нового юридического казуса в связи с тем, что устанавливаемый баланс воздействия принципов на общественные отношения в новых конституционных условиях может стать иным¹⁹.

В тексте конституций содержится и нормы, однако механизм регулирования общественных отношений ими, также как и нормами законодательства, содержательно отличается от регулирования конституционными принципами. Применение правовой нормы требует установления заключенной в ней воли органа (лица) ее создавшего и разрешения вопроса о том, подпадают ли соответствующие общественные отношения под действие этой правовой нормы. Если правовая норма применяется в рассматриваемой ситуации, то правовое воздействие на общественные отношения происходит в полном соответствии с ее содержанием. Правовая норма не может быть применена в

¹⁷ Необходимость при принятии решения Судом поиска баланса конституционных принципов исходит из их равноценности – в отличие от конституционных ценностей между ними нет теоретически обусловленной иерархии (Гаджиев Г.А., Ливеровский А.А. Юриспруденция и математика (обобщение познавательных структур). Махачкала: Изд. ДГУ, 2016. - С. 88).

¹⁸ Гулян Н.Ф. Акты конституционной юстиции в системе источников российского права // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - СПб. 2009.

¹⁹ Этим рассуждением снимаются претензии, в доктринальном плане предъявляемые Конституционному Суду Российской Федерации за изменение создаваемых им правовых позиций.

¹⁵ Имеется в виду орган конституционной юстиции.

¹⁶ Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2(63).

некоторой мере. Исполнение властного предписания частично означало бы искажение воли субъекта нормотворчества, то есть неверное применение нормы в целом. Таким образом, в отношении применения (и действия) нормы справедливо правило *абсолютной полноты* реализации её содержания.

Кроме различия механизмов регулирования общественных отношений регулирование конституционными принципами (назовем его конституционным регулированием) отличается от нормативного регулирования иной правовой формой моделирования действительности²⁰.

Г.А. Гаджиев рассматривает правовые позиции органа конституционной юстиции как правовые принципы, пригодные для моделирования не только конкретного юридического казуса, но и группы сходных юридических коллизий. Правовые позиции Суда имеют общеобязательное значение и представляют собой выявленное им «кристаллизованное право»²¹. Юридическая значимость, широкое и приоритетное использование правовых позиций Суда правоприменительными органами для решения проблем конституционности судебных решений и законоотворчества позволяет считать их по форме, по содержанию и по механизму регулирующего воздействия на общественные отношения новыми конституционными принципами, дополняющими совокупность принципов, представляющую Конституцией.

Изложенные рассуждения позволяют предложить модель конституционного регулирования, в основе которой лежит естественное правопонимание. Уходя от субъективной сущности позитивного права и осмысливая объективный и предопределенный по отношению к законодательству государст-

²⁰ Конституционные принципы, как и нормы позитивного права, являются правовыми моделями действительности, с разной степенью адекватности её отражающими. Применение конституционных принципов при принятии решений судьями общей юрисдикции, как наполнение судебного усмотрения, позволяет приблизить «грубое» моделирование нормы к реальному казусу.

²¹ Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докладов. - М., 1999. - С. 116.

ва характер конституционных принципов, определим *Право Конституции* (имеется в виду конкретная конституция) как совокупность регуляторов общественных отношений, признанных в качестве конституционных принципов данной конституции. Используя рациональные соображения, можно построить структуру *Права Конституции*: из совокупности конституционных принципов выделяется базовая система фундаментальных принципов, на которой «строятся» все остальные конституционные принципы²², в том числе созданные Судом правовые позиции, которые, как обсуждалось выше, также являются конституционными принципами, то есть элементами введенного права²³. Смысловой характеристикой предложенной неограниченной совокупности регуляторов общественных отношений является то, что конституционные принципы реализуют определенную «пирамиду» общественных ценностей во главе с выбранной общественной ценностью. Можно считать, что целью конституционного регулирования является реализация социальной ценности, осмысленной людьми как высшей. Конкретную систему основополагающих (фундаментальных) конституционных принципов, реализующую определенную высшую общественную ценность, следует называть конституционной моделью, исходя из тех смыслов, которые придают этому понятию современные исследователи²⁴. С.А. Авакьян отмечает, что правовой режим определяется характером общественных отношений после воздействия на них соответствующих регуляторов²⁵. В этой связи можно различить конституцион-

²² Выделение базовой системы конституционных принципов правоведами ранее обсуждалось в научных публикациях. Так, В.В. Невинский предлагает отделить «основополагающие» конституционные принципы от «рядовых», которые могут быть отнесены к содержанию «основополагающих» конституционных принципов посредством их расширительного толкования. (Невинский В.В. Основы конституционного строя Российской Федерации как система конституционных принципов // Российский Юридический Журнал, 2004, № 1, С. 12.)

²³ Исходя из данного правопонимания, становится ясным смысл предложения Н.С. Бондаря о правоотворческой составляющей деятельности органов конституционной юстиции (Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. - М.: Норма, ИНФРА-М, 2011).

²⁴ Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. - М.: Норма, 2005. - С. 16.

²⁵ Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. - М.: Юстицинформ, 2015. - С. 557.

ный режим общества, определяемый конституционным регулированием (регуляторы – конституционные принципы), и законодательный режим государства, определяемый нормативным регулированием (регуляторы – законы). Дихотомия данных режимов исходит из «подчиненности» законодательного режима конституционному в рамках парадигмы верховенства Конституции. Ранее было показано содержательное отличие механизма воздействия конституционных принципов на общественные отношения от механизма нормативного регулирования. Указано также на возможную политическую субъективность установлений законодательного режима, создаваемого властью. Для осмысления дихотомии конституционного и законодательного режимов (предложенную конструкцию можно рассматривать как способ реализации доктрины верховенства права) следует убедиться в объемном характере регулирования общественных отношений и конституционными принципами и их естественном происхождении.

3. Известный исследователь иудейского права судья Верховного Суда Израиля Менахем Элон утверждает, что «в каждой юридической системе можно обнаружить некие фундаментальные принципы, на базе которых образовались все остальные. Эти основные принципы незыблемы и неизменны». При этом ученый под базовыми правовыми принципами понимает «повеления Божьи в том виде, в каком они выкристаллизовались в Торе»²⁶. В данном утверждении усматривается не только структура иудейского права, аналогичная приведенной нами, но и попытка объяснить объективность его категорий за счет их происхождения.

В более развернутом плане представляет модель регулирования общественных отношений на основе правовых принципов Библия²⁷. Обратимся к десяти заповедям, написанным, согласно Ветхому Завету, на каменных скрижалях Богом и переданных Моисею для установления в сообществе евреев

ев справедливого правопорядка. Десять заповедей – десять принципов – десять обязательных правил, определяющих их бытие, – основных регуляторов общественных отношений. Для разрешения конфликтов обращающихся к нему людей Моисей – первый судья, исходя из десяти заповедей (толкую их), создавал новые правовые принципы, совокупность которых составила Закон Божий, в рамках которого принимались судебные решения. Назначенные же им судьи принимали решения по конкретным делам, применяя правовые принципы Закона Божьего. Таким образом, в этническом сообществе евреев в соответствии с библейскими представлениями Богом был установлен правовой режим регулирования общественных отношений правовыми принципами. Разумеется, в текстах Закона Божьего можно найти предписания, имеющие форму нормы, но их содержательное различие от норм, принимаемых законодательными органами государственной власти, состоит в том, что эти нормы созданы в результате толкования Моисеем десяти заповедей. Продолжая в этом дискурсе искать содержательные аналогии конституционным категориям, назовем Библию прото-конституцией, тогда десять заповедей – система фундаментальных конституционных принципов, а Моисей – «конституционный судья», который, толкую предпосланные Богом фундаментальные конституционные принципы, создавал естественное право – Закон Божий. Его правовыми позициями руководствовались назначенные им судьи, осуществляя правосудие. Библия как протоконституция вводила в сообществе евреев конституционный режим.

Среди десяти заповедей можно выделить принципы, реализующие высшую религиозную ценность (Бог), но исполненные десяти заповедей обеспечивало сохранение в широком

²⁸ Я подчеркиваю: в доктринальном плане законодательными органами государственной власти. «Обвинение» в нормативным правовым регулированием общественных отношений органами конституционной юстиции, нарушающем принцип разделения государственной власти, снимается признанием правотворческой составляющей их деятельности, но их неотделимость от власти, а, значит, и системное единство интересов с ней, не снимается даже утверждением Н.С. Бондаря, что «Конституционный Суд – это суд над властью». (Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – С.94).

²⁶ Менахем Элон. Еврейское право. Под общ. ред. И. Ю. Козлихина // СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002.

²⁷ Библия / Российское Библейское Общество. М. 2000. Обязан отметить, что повышенным интересом к «Моисееву праву» я обязан Петру Давидовичу Баренбойму и его книге «3000 лет доктрины разделения властей».

смысле жизни человека, его осмысленного существования, духовного здоровья, то есть в рациональном плане заповеди – правовые принципы, реализующие высшую ценность – «жизнь человека» и исходящую из неё иерархию социальных ценностей. В содержании правовых принципов и Закона Божьего также можно выявить наставления, связанные с сохранением жизни человека: «...слушайте законы, которые я научаю вас исполнять, дабы вы были живы и размножились...»²⁹.

Исходя из библейских представлений о десяти заповедях и Законе Божьем, можно считать, что реализация социальных ценностей является целью регулирования общественных отношений правовыми принципами, предписанными Богом для установления соответствующего правопорядка в сообществе евреев. В то же время десять заповедей можно интерпретировать как кодекс нравственных требований, соединяющих мораль и право, в основе которых заложена идея справедливости. Кроме того, как считает академик РАН А.А. Гуссейнов, десять заповедей принесли понимание справедливости как потенциальной необходимости разграничения права и юридического закона³⁰ при возникновении государственной власти.

В иных памятниках правовой культуры древних монархий можно обнаружить описание социальных регуляторов с объективной природой, не зависящих от усмотрения или даже произвола законоустанавливающей государственной власти.

²⁹ То, что заповеди реализуют высшую ценность «жизнь человека» прочитывается во всех заповедях. Например, в принципе, реализующем семейные ценности, вытекающие из высшей ценности: «Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твой, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, даст тебе». С одной стороны, признание семейных ценностей необходимо для оптимального воспроизводства потомства, то есть в конечном итоге – для сохранения жизни человека. Правовыми принципами являются и напутствия Моисея назначенным им судьям. Новеллы наутствия можно считать установлением принципов демократического судопроизводства: «...выслушайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и прищельца его, не различайте лиц на суде, как малото, так и великого выслушайте...» («Второзаконие»). Гл. 5, ст. 16).

³⁰ Моисей // Гуссейнов А.А. Законодательство Моисея: Единство морали и права. // – М., ЮМ. 2017. – С. 88.

Правовые принципы, существующие априори, отделяются от установлений, предлагаемых для введения органам государственной власти. Так, содержание «Книги мертвых» (Древний Египет) делится на перечень обязательных для людей догматических принципов, исходящих от богов, и на иные документы: указы и инструкции, нормативные правовые акты, которые должны приниматься фараоном. При этом предполагалось безусловное верховенство первых над вторыми.

В законах царя Хаммурапи (Древний Вавилон) отчетливо разграничиваются «идеальное право» – принципы, представленные Богами и правовые акты, исходящие от царя. При этом Хаммурапи настоятельно требует от будущих владык в своих установлениях обеспечивать справедливость государственного управления. Таким образом, уже в правовом пространстве древности можно обнаружить различающиеся и конкурирующие между собой правовые режимы: исходящий от Богов и законодательный. Во всех случаях обозначена дихотомия этих режимов и объективность исходящих от Богов доктрин. Таким образом, существование и объективность правовых принципов, имеющих априорное происхождение, предполагает реализацию конституционной доктрины справедливости во взаимоотношениях человека и власти.

А.П. Лопухин замечает глобальную конституционность Моисеевых принципов: «Главная цель Моисеева законодательства – наибольшее развитие чувства свободы в народе». Реализация правовых принципов Закона Божьего вывела на «неприятные работы как наивысшего выражения попрания достоинства человека»³¹. В этом плане примечательна мысль Н. С. Бондаря о том, что категория «достоинство человека», которая «генетически имеет нравственно-этическое происхождение», становится «основой базисных ценностей современного конституционализма»³².

4. Идея о божественном происхождении права, убедительно трагующая понимание справедливости и нравственности и в каком-то мере подтверждаемая сохранившейся до сих пор

³¹ Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Суд над Иисусом Христом. Вавилонский царь правды Аммураби. – М., 2005. – С. 137.

³² Бондарь Н. Достоинство личности в аксиологической системе конституционного правосудия // Альманах «Конституционное правосудие в новом тысячелетии». – Ереван, 2014.

устойчивой связью права и религии, в современном историко-государственном контексте отчасти теряет свою методологическую ценность. При исследовании современных реалий жизни человека, исходя из безусловности сохранения нравственных и духовных ценностей, предположительно божественной идей, требуются все же более доказательные подходы к выявлению смыслов божественного развития. В данном случае допустимо использование эпистемологических подходов, восходящих к Аристотелю и его логическим моделям, тем более что его рациональная методология в некотором плане конкурировала с Божественной идеей происхождения права. Так, великий философ и математик считал, что система правовых принципов, обеспечивающая существование человека, меру справедливости и согласия в обществе, создавалась разумом человека, обобщением чувственного восприятия опыта взаимодействия с действительностью на фоне характерных для этого общества конкретных условий божественного бытия³³. Для наших выводов важно, что при любом выборе подходов происхождения правовых принципов предшествует законодательной деятельности власти и предопределяет ее.

Для определения правовой природы конституционных отношений Г. Г. Арутюнян ввел понятие *конституционной культуры* как исторически сложившейся, обогащенной опытом поколений, *ценностной* системы убеждений, представлений, правосознания, лежащей в фундаменте общественно-го бытия и определяющей установление и реализацию обязательных правил поведения на основе их нравственного и духовного осмысления³⁴.

Исследуя «догосударственные» этнические сообщества,

³³ Геннальная догмака греческих философов о естественном характере права как объективному регуляторе общественных отношений обосновывалась рациональным взглядом на окружающий мир, свободным от божественной природы фундаментальных правовых принципов. Аристотель формулировал выводы, имеющие форму религиозных догматов, но их постижение возникло на путях научного познания, а их объективность, по его представлению, предопределялась посредством безошибочной интуиции, рожденной человеческим разумом. (Аристотель. Аналитика первая и вторая. - М., ГИИЛ. 1952.)

³⁴ *Naridunyan G.G. Constitutional Monitoring*. - Yerev, «Njarg», 2016. P. 280.

Г. Г. Арутюнян отмечает, что правовой фундамент конституционной культуры монотеистических сообществ составляли этнические обычаи, традиции и *религиозные каноны*, которые исполнялись и сохранялись как обязательные условия поведения для представителей данных социальных общностей³⁵.

Источником обычаев и традиций конкретного монотеистического сообщества являлся его исторический «путь» и природная среда его первоначального проживания. Правила поведения членов этнического сообщества вырабатывались в результате адаптации человека к определенному климату и характерной для этого климата среде обитания и диктовались необходимостью выжить. Л. Н. Гумилев отмечал, что адаптивные способности человека в каждом случае создавали особые, различающиеся «формы существования и формы общежития», к которым люди привыкали в течение веков и тысячелетий, разбивая человечество на «мозаику» этнических сообществ³⁶. При этом, как справедливо отмечает Андрей Зубов, религиозные верования не только помогают преодолеть ощущение беспомощности перед силами природы, но и дают чувство духовной близости, которое сплачивает сообщество одинаковых религиозных убеждений и убеждают людей от отчужденности друг от друга³⁷.

В приведенном рациональном подходе *право* рассматривается как совокупность правовых принципов, следование которым необходимо для выживания человека в определенной среде обитания. Обычаи и неотделимо связанные с ними религиозные догматы, представляют собой выработанные человеческим разумом и/или предположительно божественным проведением регуляторы общественных отношений. Обозначенные правовые принципы реализуют высшую социальную ценность – «жизнь человека».

Выделим рациональные особенности теоретической

³⁵ *Naridunyan G.G. Constitutional culture: The lessons of history and the challenges of time*. - Yerevan, 2009.

³⁶ *Гумилев Л.Н.* Концепт и вновь начало. - М.: АСТ, 2007. - С. 12.

³⁷ *Зубов А.* Лекции по истории религии. - М.: Альпина нон-фикшн, 2016. - С.17.

категории «конституционная культура», позволяющие судить о её конституционности. Её правовое содержание и структура определяются тем, что правовой режим этнического сообщества устанавливался и реализовывался в соответствии с признанной в обществе системой социальных ценностей. Признание системы социальных ценностей было обусловлено их духовным осмыслением, которое влекло за собой общее согласие людей, осознавших необходимость регулирования общественных отношений правовыми принципами, реализующими эти ценности. У членов общества возникло соответствующее правосознание. Основным смыслом исследуемого понятия является его человекоцентристский характер, отделяющий понимание конституционного развития общества от абсолютизации государственности и позитивного права. Перечисленные черты введенного Г.Г. Арутюняном понятия позволяют сделать вывод о том, что конституционная культура своим происхождением «обязана» конституционному регулированию общественных отношений, то есть регулированию объективными правовыми принципами, имеющими естественное происхождение. Этнорелигиозный режим, до образования в моноэтническом сообществе государства, можно считать конституционным режимом. По справедливому утверждению Н.В.Витрука³⁸, правосознание, соответствующее социальным ценностям конкретного общества, соответствующее социальным ценностям конкретной культуры, социально детерминировано и очень устойчиво в общественном сознании, поскольку связано с реальной действительностью, с традиционной средой обитания и, что особенно важно, с необходимыми для выживания населения традиционными способами хозяйствования. Приобретенное правосознание, воплощающее систему естественных ценностей, обусловленное первоначальной средой обитания, моральная психология сохраня-

38 Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Материалы Международной научно-теоретической конференции. 4-6 декабря 2008 г.: В 2-х т. Т. 1. - С. 12.

лись не только в течение длительных исторических процессов, но и в условиях миграции³⁹. На территориях современных европейских государств можно диагностировать исторически обоснованное существование моноэтнических сообществ с этнорелигиозными конституционными режимами различного уровня конституционной культуры, автономными по отношению к законодательному режиму этих государств.

В приведенном исследовании можно выявить моменты, дающие основу для современных представлений о конституционном развитии общества. Если для первобытных сообществ в основе конституционной культуры лежало обычное право и религиозные догматы, вызванные необходимостью выжить и сохранить потомство, то есть соответствующие правовые принципы исходили из высшей ценности – жизнь человека, то дальнейшее развитие цивилизации вызвало появление конституционных принципов, реализующих высшую ценность – «достоинство человека». Именно исходя из реализации этой цели конституционного развития выстроены современные конституционные модели. Предпосланная конституционному развитию и являющаяся глобальной целью регулирования общественных отношений высшая ценность является основой для формирования системы фундаментальных конституционных принципов – объективных регуляторов общественных отношений, реализующих иерархию конституционных ценностей.

Независимо от происхождения конституционных принципов их объективность, проверенная всем развитием цивилизации, позволяет ограничивать государственную власть и корректировать развитие государств в их конституционном развитии.

39 Л.Н. Гумилев отмечает: «Человек, выброшенный волей судьбы из состава своего этноса, у которого оборваны все системные связи, который оказался в чужой стране, тем не менее свято хранит свой стереотип поведения, свои идеалы, свое мировоззрение». При этом очень характерна для этно-религиозных сообществ «способность к передаче следующим поколениям духовной культуры – фольклора, эпоса, религиозных верований». (Гумилев Л.Н. Конца и вновь начало. – М.: АСТ, 2007. - С. 12).

В заключение и с благодарностью (См. сноску 27) приведу обобщение П.Д. Баренбойма, указавшего на связь религии с конституционной культурой: «...религия, конечно, являющаяся самостоятельной ценностью, оказалась еще и формой передачи важных правовых истин и идеалов из иудаизма в христианство, из тысячелетия в тысячелетие, из поколений в поколения, пока в наше время, освобожденные от религиозной оболочки, приобрели всеобщую светскую нормативность в документах ООН, национальных конституциях, а также в решениях международных и конституционных судов»⁴⁰.

⁴⁰ Баренбойм П.Д. Моисей – первый философ права. // – М., ЛУМ. 2017. С. 88.

Конституционное

ПРАВОСУДИЕ

Вестник Международного
аналитического центра
«Конституционная культура»

Выпуск 1 (1) 2018

Адрес редакции:

0019, Ереван, пр. Баграмяна 10
Тел.: (+37410) 529991, (+37411) 588189
Факс: (+37410) 529991
Email: armilaw@concourt.am
URL: <http://www.concourt.am>

Сдано в набор. 10. 02. 2018 г.
Подписано к печати 18. 03. 2018 г.

Печ. л. 10.25
Бумага офсетная
Печать офсетная
Формат 60x84 1/16

Выходит ежеквартально

Статьи вестника «Конституционное
правосудие» публикуются
в авторской редакции

Вестник включен в перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны публиковаться
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук

Зарегистрирован коллегией
N 8/22 Министерства юстиции РА
27 февраля 1998 г.